

Брежнева С.Н.

Тольяттинский государственный университет сервиса

ПЕРЕДОВАЯ КУЛЬТУРА ДЖАДИДОВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В НАЧАЛЕ XX в.

В статье представлен анализ деятельности джадидов в Туркестанском генерал-губернаторстве и протекторатах России – Бухарском эмирате и Хивинском ханстве в начале XX в. Автор прослеживает формирование данного течения с момента его возникновения до распространения джадидизма как передовой культуры в среднеазиатских ханствах, что нашло отражение в просвещении, драматургии, журналистике и т. д.

В начале XX в. в Средней Азии происходили значительные изменения в связи с развитием промышленности и торговли. Особенно заметный рост наблюдался в сфере хлопководческого агропромышленного комплекса, что способствовало выделению прослойки состоятельных людей, владевших значительными капиталами. Это была молодая туркестанская буржуазия. Как правило, она зависела от русского капитала и не занимала самостоятельного положения в экономической и политической жизни, что обусловило ее двойственность. С одной стороны, она тянулась к прогрессу, с другой – цепко держалась за старое, опасаясь того, что новый образ жизни поколеблет вековые традиции мусульманской психологии, подорвет ее устои и лишит привилегий. Поэтому среднеазиатская буржуазия выдвигала весьма ограниченные претензии и была готова к любому компромиссу с властью.

Одним из буржуазных течений в Бухаре и Хиве был джадидизм, находившийся под большим влиянием аналогичных по названию движений в Турции, Туркестане, Закавказье и Татарии. Джадидизм получил свое наименование от арабского слова «джадид», что значит «новый». Движение джадидов зародилось в Татарии и распространилось в Бухаре, Хиве и Туркестане в конце XIX – начале XX в. События в Азербайджане, Татарстане, Афганистане, Египте и Турции, а также начавшаяся русификация в ханствах Средней Азии вызвали в среде национальной интеллигенции конструктивную реакцию. Социальной базой джадидизма была преимущественно местная торговая буржуазия, а также мелкобуржуазные прослойки крупных городов и частично интеллигенция.

Джадиды заимствовали свою политическую программу у идеолога пантюркизма Измаили-бея Гаспринского, известного крымско-татарского политического деятеля. Он был выходцем из высших аристократических кругов, получил духовное образование в мусульманской религиозной школе в Крыму, а военное образование – в Московском кадетском корпусе, много путешествовал по Турции и Франции, прожив в последней два года. Гаспринский происходил из крымских татар, которые в то время составляли всего 25% населения, проживающего на Крымском полуострове, поэтому сохранение тюркского языка являлось для них единственным средством сохраниться как нации. В течение 20 лет Гаспринский издавал журнал «Таржиман», проповедовавший идеи пантюркизма, суть которых заключалась в объединении тюркских народов России под духовной и политической эгидой Турции. Путь к сохранению тюркского языка крымских татар он видел в модернизации ислама и введении новометодных школ, где преподавались бы богословие и тюркский язык. Новый метод обучения по-арабски – «усул-и джадид». Извлеченное из этого термина слово «джадид» стало нарицательным для всего данного течения.

Внешне движение джадидов было направлено против русско-туземных школ, которые расценивались как проводники русификации, и в противовес им выдвигалась программа создания «новометодных школ», в которых главными предметами были тюркский язык и теология. В 1882 г. Гаспринский приехал в Туркестан и обратился к генерал-губернатору Н.О. Розенбаху по вопросу реформирования школ, од-

нако ответа не получил. В 1893 г. Гаспринский обратился к эмиру бухарскому Абдулахану с предложением создать новометодные школы, но получил отказ. Тогда он использовал крымских татар, проживающих на территории Средней Азии, для создания подобных школ. Уже в конце XIX в. джадиды, стремясь модернизировать мусульманскую систему образования, открыли новометодные школы в Туркестане. По сведениям советского историка Г.А. Хидоятова, в 1910 г. таких школ было создано около 50, причем в самых различных районах Туркестана [5, с. 293]. Крупными центрами джадидских школ стали Ташкент, где их было 20, и Коканд – 16. Перед революцией в Туркестане имелось около сотни новометодных школ, в которых обучалось от восьми до десяти тысяч детей. В них начинали свое образование такие впоследствии известные писатели, как Хамза, Уйгун, Айбек.

С начала XX в. в этих школах наряду с учебниками, созданными татарами, турками, персами и азербайджанцами, стали использоваться учебники местных авторов. Джадиды стремились к тому, чтобы учащиеся овладевали практическими знаниями. Учебная программа в новометодных школах включала чтение, письмо на тюрки или фарси, арифметику, историю, географию, большое место в ней занимали основы религии. Таким образом, эта программа давала более широкое образование, чем ортодоксальная.

Обучение в новометодных школах было ориентировано на подготовку изменения существующей структуры. Одну из новых программ разрабатывал Мунаввар Кари, преподававший в ташкентском медресе, где учились несколько ставших впоследствии известными писателями молодых людей. В то время, когда в нем занимался Айбек, программа включала религиозную доктрину, священные традиции, историю исламского учения, арабскую и тюркскую грамматику, право наследования, арифметику, всемирную географию.

Большинство новаторов системы образования были выходцами из мелкой буржуазной среды: учащиеся мусульманских семи-

нарий, писари, конторские служащие, мелкие лавочники, чиновники и значительная часть духовенства. Джадиды коренным образом изменили систему начального образования, разделив и усилив дифференциацию по социальному признаку. Небольшое, но увеличивающееся число джадидских школ беспокоило власти, чиновников и мулл, т. к. реформаторы стремились придать культуре региона новое содержание. Литературные новации, жанры, формы, темы, язык, стиль стали вытеснять старые, стилизованные труды, появилось новое направление в музыке, живописи и т. д.

Представители различных мусульманских реформаторских групп Российской империи стремились стандартизировать учебную программу в новометодных школах, перенимая опыт Мунаввара Кари и его последователей. Однако в целом реформаторы не были признаны.

Второй этап реформы в Средней Азии отличался своим политическим направлением. Он радикально менял некоторые структуры управления либо вынуждал власть идти на определенные политические уступки. Несмотря на усилия реформаторов, большинство людей вне их круга плохо разбирались в целях джадидской реформы.

Махмудходжа Бехбуди и Мунаввар Кари вели борьбу с невежеством через распространение знаний, что требовало подъема всеобщего образования народа. Новометодные школы оказали сильное влияние на стандартные школы, в частности побудили их модифицировать свои программы и методику обучения. Это, в свою очередь, вызвало нападки со стороны консерваторов, резко осуждавших фонетический метод обучения языку и письму, изучение арифметики, географии и особенно естествознания, которые, по их мнению, противоречили мусульманскому мировоззрению.

Джадидам противостояли улемисты (ученые), объединившие в своих рядах представителей высшего духовенства. Они отвергали демократические реформы и выступали за развитие общества в строгом соответствии законам шариата. Хотя в новометодных школах уделялось большое вни-

мание религиозному обучению, духовенство обвиняло джадидов в отходе от мусульманских методов преподавания. Джадиды со своей стороны обвиняли духовенство в коррупции и греховном поведении. Среднеазиатские религиозные реформаторы считали, что уважение к исламу и интерес к нему снижаются по мере роста коррумпированности и безнравственности духовенства. Джамал ад-Дин ал-Афгани (1838–1897), проповеди которого распространялись среди туркестанцев, передаваясь из уст в уста и через прессу, возлагал ответственность за упадок ислама на мусульман, обличая не только обскурантизм духовенства, но и методы управления страной. По мнению же Махмудходжи Бехбуди, полную реконструкцию духовной системы следовало начинать с подготовки новой плеяды теологов и священников.

Борьбу с консерватизмом мусульманского духовенства начал видный идеолог джадидизма Абдал-Рауф Рашид-оглы Фитрат (1886–1938). В своем труде «Спор» он обличил невежество и коррупцию бухарского духовенства, в работе «Рассказы индийского путешественника» показал, что главной причиной экономического упадка Бухары, Карши и других городов эмирата является злоупотребление духовенства своим положением.

В целях социально-культурного развития Средней Азии в новом направлении джадидские лидеры предложили ряд реформ не только в области образования, но и историографии, литературы, печати, религии, искусства. Они выступили с идеями переоценки и усовершенствования этики, веры, правосудия, здравоохранения, улучшения положения женщин, всех сторон жизни.

Особую важность реформаторы придавали вопросу территориальной общности. В 1913–1916 гг. они попытались дать название территории, на которой проживали. Джадиды называли ее Туркестаном, как раньше обозначали северо-восточную часть Средней Азии; некоторые из них включали в нее оба русских протектората – Бухарский эмират и Хивинское ханство.

Интерес джадидов не ограничивался только новым осмыслением названия средне-

азиатской территории, он распространялся на историографию Туркестана, которую они пытались модернизировать. С 1903 по 1914 г. ими было написано несколько хроник, в которых пересматривалась роль мангытской и кунгратской династий в жизни среднеазиатских народов. Автором одной из хроник был Мулла Алим Махмуд Хаджи – редактор правительственного бюллетеня «Туркистон вилоятининг газетаси», выходившего в Ташкенте с начала 1870 г. С 1908 по 1915 г. в бюллетене публиковался его труд «Тарихи Туркистон» («История Туркестана»).

Созданию новых исторических трудов и использованию имеющихся препятствовало духовенство. Махмудходжа Бехбуди – один из лидеров самаркандских реформаторов попытался доказать ложность утверждений консерваторов о том, что и священная книга, и предания пророка Мухаммеда не апеллируют к истории. Он считал, что содержание Корана на четверть состоит из исторической информации. Другие аналитики также ссылались на историчность священной книги ислама.

На историографию Средней Азии начала XX в. оказал воздействие Ахмад Зеки Велиди Тоган (1890–1970) – профессор Казанского университета. Он был тесно связан с джадидами Самарканда и Ферганы. На них большое впечатление произвели его глубокие знания тюркской истории. Историческое исследование Тогана «Тюркские рамки» существенно отличалось от прежнего династийного подхода к истории и дополняло знания по этническому составу населения.

Мысли среднеазиатских джадидов относительно «осовременивания» истории, образования и языка разделял Измаили-бей Гаспринский – известный крымско-татарский реформатор.

Формированию нового мировоззрения у туркестанцев способствовала идея модернизации театра и драматургии. Основная масса народа была неграмотной. Книги, газеты, журналы, т. е. вся печатная литература, были для него недоступны. Театральные подмостки, где господствовала устная речь, стали центральным рупором джадидов. Здесь получили известность М. Бехбуди, А. Самадов,

А. Фитрат, Чулпан, А. Бадри, Н. Кудратул-ла, Абдулла Кодыри, Хамза, А. Авлони, Х. Шукрулло и др.

С 1910 по 1917 г. драматургия и театр были главными проводниками идей джадидизма. За шестилетнее существование джадидского театра было создано около двадцати пяти пьес, в которых нашли отражение различные жизненные проблемы. При всей ограниченности их взглядов, при всем художественном несовершенстве их пьес они имели острую социальную направленность, высмеивая жадность баев, безнравственность и корыстолюбие мулл, падких на деньги чиновников, готовых ради них на любое преступление против шариата. Они подвергали острой критике архаические свадебные церемонии, устаревшие обряды и обычаи, бытовавшие предрассудки, разоблачали пороки господствующей элиты, скрытые за ширмой ханжеских наставлений и нравочучений. Новаторы-драматурги верили в способность человека к совершенствованию. Утверждение единой идеологии в драматургии они считали единственным средством предотвращения упадка общества.

Так же, как и драматурги, реформаторы-журналисты осуждали в своих публикациях употребление наркотиков, алкоголя и табака, прелюбодеяние, проституцию, неравенство женщин. В прессе джадиды выступали также против войны, социальной и моральной деградации, расслоения общества и за просвещение народных масс. Значительное внимание уделялось борьбе с суевериями, со всем, что мешало, по их мнению, нормальному развитию среднеазиатского общества. В Новой Бухаре джадиды издавали две газеты – «Бухаро-и Шариф» («Благородная Бухара») на таджикском языке и «Туран» на узбекском языке. Обе эти газеты в 1912 г. были закрыты по распоряжению эмира. С 1913 г. в Самарканде под руководством Бехбуди выходила газета «Самарканд». После 45-го номера выпуск издания прекратился из-за финансовых затруднений. После этого Бехбуди стал издавать иллюстрированный журнал «Оина», который распространялся на Кавказе, в Тарстане, Иране, Афганистане и Турции.

Однако вопросы политической стагнации оставались закрытыми для прессы джадидов. Главной задачей джадидских изданий была пропаганда «очищения» религии, коренной перестройки образования и совершенствования социальных институтов. С самого начала реформаторские газеты и журналы стремились информировать читателей о народонаселении и географии мира, международных событиях, мировой истории, научно-технических открытиях на Западе. В начале Первой мировой войны в центре внимания местных журналистов был русско-турецкий конфликт. Редакторы давали обзоры книг и периодических изданий, выходивших на арабском, турецком, татарском языках и урду. Таким образом, джадидская пресса выполняла важнейшую задачу подъема общественного сознания на уровень XX в. Информирова своих читателей о жизни единоверцев за рубежом, показывая отличие среднеазиатского общества от Западной Азии, несмотря на религиозные связи, объединяющие исламские страны, джадидская пресса прокладывала путь новому представлению о национальной самобытности.

Российское правительство, эмир, ханы и высшее духовенство вели борьбу с джадидской прессой. В 1914-1915 гг. были закрыты джадидские газеты и книжный магазин «Марифат». Все это вынудило джадидов перейти от реформы культуры к политическому сопротивлению.

Со временем джадиды стали важным общественно-политическим течением. Ряды их постоянно пополнялись. Некоторые, самые передовые представители джадидизма Бухары требовали ограничения феодального произвола эмира конституцией. Однако они не ставили своей целью ни ликвидацию деспотического строя, ни ограничения землевладения баев. Джадиды как в Бухаре, так и в Хиве были слабо организованы и не имели ни общей программы, ни единого руководящего центра.

В условиях Бухары и Хивы того времени джадидизм среди местного населения находился в оппозиции властям, и недо-

вольные элементы эмирата и ханства примыкали к нему, надеясь добиться каких-то преобразований, пусть малых и недостаточных, но все же ограничивающих царивший произвол и деспотизм. Джадидские организации были созданы в Термезе, Керки, Гузаре, Бекбуди, Бухаре, Чарджуе, Самарканде и Ташкенте.

После революции 1905-1907 гг. среди джадидов произошел раскол. Появилось радикальное течение – модернисты, призывающие к более глубоким преобразованиям в просвещении и более решительным выступлениям, и кадимисты, настаивающие на ограничении движения реформой богословского образования. Туркестанские джадиды с восторгом встретили известие об открытии Государственной думы в 1906 г. Они сочли, что посредством пушек, смертной казни, ссылки и арестов невозможно остановить беспорядки и смуту. Единственным средством для их прекращения могла служить Государственная дума как конституционный демократический институт, которая должна обеспечить народу свободу, равенство и справедливость. Тем самым джадиды выступили за парламентаризм.

В 1906 г. джадиды на своем втором мусульманском конгрессе обратились к партии кадетов с предложением о сотрудничестве. Конечно, в тот период развитие демократической мысли джадидов оставалось на позициях конституционного монархизма. Тогда они не призывали идти на радикальные меры, ибо это, по их мнению, могло повлечь за собой печальный исход. Их тактика заключалась в поддержке процессов демократизации, в обеспечении стабильности нарождающихся демократических институтов, в создании нормальных условий для работы правительства, в то же время в обдуманном требовании предоставления автономных прав в области образования и религии.

Джадиды представляли новых людей в мусульманской среде, резко изменивших социальную картину и социальный облик этой среды. В журнале «Мир Ислама», который издавали российские востоковеды до 1917 года, они писали о джадидах: «Образ жизни этих «новых людей», их одежда, разговор, их

мысли ничем не напоминали «старые» сословия. Они употребляли слова, до сих пор неизвестные, и писали вещи, которые доселе у нас не писаны» [4].

Хотя практическая деятельность джадидов выражалась лишь в мероприятиях культурного характера, однако эмирские и ханские власти, особенно духовенство, всячески преследовали их, обрушивая на них репрессии, аресты, тайные и открытые убийства и т. д. Джадиды всюду подвергались травле. Многие из них эмигрировали из Бухары в Туркестан, в русские поселения эмирата.

Судьба некоторых джадидов была трагичной. Одни были уничтожены эмиром бухарским (М. Бехбуди), другие убиты уже в советское время муллами-фанатиками, которых они в свое время высмеивали и разоблачали (Хамза), многие из них погибли в период 20-30-х гг. XX в., пав жертвой необоснованных обвинений в контрреволюционной, антисоветской деятельности по доносам и анонимкам (А. Фитрат, Чулпан). После февральской революции в России в 1917 г. бухарские и хивинские джадиды оформились в две партии – младобухарскую и младохивинскую, в Туркестане они создали партию Шура-и-ислам. Часть джадидов признала советскую власть, другие сотрудничали с белым движением и басмачами, а впоследствии эмигрировали.

Таким образом, движение джадидов было разнообразным и по сфере деятельности, и по политическому окрасу. Хотя, конечно, их деятельность в основном охватывала сферу просвещения и культуры. Из шести реформ, предпринятых джадидами, первой была реформа в области образования, оказавшая наиболее заметное воздействие на население, политическую и духовную жизнь Средней Азии.

В 1926 году началась кампания очернения джадидизма как контрреволюционного, антисоветского движения.

Деятельность джадидов еще ждет своего пытливого исследователя. Недопустимо недооценивать их роль в истории Средней Азии, равно как и преувеличивать их заслуги. Необходим дифференцированный под-

ход и четкое выделение того, что у них было прогрессивного, а что являлось реакционным, кто из них призывал к прогрессу, а кто, напротив, тащил общество назад, у кого пантюркизм был глубоким идейным убеждени-

ем, а у кого просто побочным продуктом его идейных заблуждений. Их нельзя вычеркнуть из истории. Безусловно, они внесли значительный вклад в развитие среднеазиатской культуры.

Список использованной литературы:

1. Айни, Садреддин. Воспоминания (пер. с таджикского А. Розенфельд) / Садреддин Айни. – М.-Л., 1960.
2. Гафуров, Б. Г., История таджикского народа. В кратком изложении. Т.1. / Б.Г. Гафуров – М., 1955.
3. История Бухарской и Хорезмской народных республик / Под ред. Волобуева П.В. – М., 1971.
4. Мир Ислама. 1917.№ 3.
5. Хидоят, Г.А. Моя родная история / Г.А.Хидоят – Ташкент, 1990.
6. Ходжаев, Ф. Избранные труды в 3-х тт. Том 1. / Ф. Ходжаев – Ташкент, 1970.
7. Шукуров, Ш.М. Центральная Азия: опыт истории духа / Ш.М. Шукуров, Р.М. Шукуров. – М., 2001.